Предисловие переводчика

Древний китайский мудрец Лао-цзы и его книга, называемая по-китайски «Дао-Дэ цзин», не нуждаются в рекомендации. Утверждают, что книга Лао-цзы занимает после Библии второе место в мире по числу иностранных переводов. Происхождение этой книги и личность ее автора, как легко догадаться, окутаны множеством легенд.

В официальной биографии таинственного старца, которую в начале I в. до н.э. написал великий историк древнего Китая Сыма Цянь, фактически объединены рассказы о трех разных лицах. Сначала Сыма Цянь пересказывает родословную даосского патриарха, который, как он сообщает, носил фамилию Ли, а имя Эр (что значит «ухо»), и был выходцем из южных краев тогдашней китайской ойкумены, причем из какой-то особенно несчастливой местности: родился он в деревне Цюжэнь (букв. «искривленная доброта») в местечке Ли («жестокое») уезда Ку («горький»). Этот Ли Эр прожил долгую и неприметную жизнь, много лет занимая должность хранителя архивов при дворе правителя царства Чжоу, что весьма располагает, с одной стороны, к письменному творчеству, а с другой — к скептическому взгляду на политику и человеческую историю вообще. Во всяком случае, с древности в Китае укоренилось мнение о том, что школа даосов была детищем придворных историографов.

С жизнью Ли Эра связано несколько необычных историй. Считалось, что Лао-цзы принимал

у себя Конфуция, который поклонился ему как учителю и расспрашивал его о ритуалах, еще точнее — о погребальных обрядах. Лао-цзы в своем ответе — по крайней мере так, как он записан у Сыма Цяня, — ничего не сказал про ритуалы, а просто, как подобает старшему и умудренному жизнью человеку, отчитал наивного посетителя: «От тех, кто тебе интересен, уже давно и костей не осталось! Нам известны только их слова. Однако же, если благородный муж схватывает свое время, то ездит в экипаже чиновника. А если он свое время не может схватить, то блуждает по жизни, словно сухой лист, гонимый ветром. Я слышал, что у доброго купца, даже если он владеет большими сокровищами, дом кажется пустым, а благородный муж, даже обладая сполна добродетелью, с виду кажется глупцом. Отринь свою гордыню, свои многочисленные желания, свое чванство и суетные помыслы. Ничего из этого не принесет тебе пользы!»

Рассказ о встрече Конфуция с Лао-цзы появился довольно рано и, возможно, имеет под собой какие-то исторические основания. Во всяком случае, последователи и потомки Конфуция с древности признавали и даже с готовностью, что Учитель Кун просил у чжоуского архивиста наставлений, молчаливо соглашаясь тем самым, что даже величайший мудрец всех времен мог нуждаться в наставлениях и, стало быть, учиться никому не вредно. Было и еще одно обстоятельство, подмеченное в древности: допуская, что «учитель всех времен» сам учился у неприметного архивиста, конфуцианцы давали понять, что настоящая

мудрость не совпадает с мирским успехом, и тем самым оправдывали неудачу самого Конфуция на политическом поприще. Ну а Лао-цзы? Нет ни малейшего намека на то, что у него был учитель. Оно и понятно, ведь Лао-цзы учил следовать простейшей данности жизни, «таковости» всякого существования. Своего учителя он находил очень просто — «оставляя свое сознание в покое». Но все дело в том, что самое простое дается людям как раз труднее всего.

Без учителя и учеников, стоящий в стороне от всех, этот «темный» поклонник всего естественного и спонтанного сумел слиться с китайским укладом жизни в его самых глубоких и общих основаниях. Если в такой судьбе даосского патриарха есть своя закономерность, то она странным образом перекликается с заветами самого Лао-цзы, учившего о жизни, текущей до и помимо всякого понимания, о мгновенных, непознаваемых схождениях, «воздействиях-откликах» разных планов бытия. Столь радикальное соответствие мысли и собственной жизни — привилегия немногих гениев.

Почти все прочие сведения в рассказе китайского историка явно относятся к области легенд: Ли Эр, предчувствуя гибель чжоуской династии, оставляет службу и «возвращается к себе», где «живет затворником». В конце концов, предвидя грядущую смуту, он уезжает верхом на «темном быке» в пустынный Западный край. Когда бывший архивариус прибывает на пограничную заставу, ее начальник, которого якобы звали Инь Си, просит старца оставить людям в наследство

свои наставления, поскольку «Великий Путь вот-вот скроется в мире». И Лао-цзы, взойдя на смотровую башню, в один присест написал свою знаменитую «книгу из пяти тысяч слов». Засим он «ушел в пески, и никто не знает, как он окончил свои дни». А начальник пограничной стражи стал первым учеником Лао-цзы и восприемником его мудрости. Как сказано о даосском патриархе и его не менее таинственном последователе в сборнике жизнеописаний даосских святых, они «вдвоем миновали зыбучие пески и вместе возвратились в царство чудесных свершений».

Впрочем, исчезновение основоположника даосизма в Западной пустыне и отсутствие его могилы в Китае не помешало Сыма Цяню назвать его посмертное имя: Дань. В позднейших преданиях даже утверждается, что Лао-цзы выехал только из западной заставы владений Чжоуского государя — формально верховного властителя тогдашнего Китая — и далеко не уехал. С древности известно и место предполагаемого захоронения даосского патриарха: оно находится в уезде Чжоучжи провинции Шэньси. Появилось оно, как и положено предметам легендарным, не сразу. Если Сыма Цянь еще ничего о нем не знал, то уже в первые столетия н.э. одну из гор на западных рубежах чжоуских владений в народе называли «холмом Лао-цзы». С недавних пор там даже соорудили туристический аттракцион с мемориальной плитой на могиле мудреца, храмом в его честь и т.д.

Романтическое предание об отъезде Лао-цзы на Запад, кажется, и вовсе основано на недораз-

умении. В западных царствах не существовало должности «начальника пограничной заставы», а имя Си (букв. «радость») скорее всего означает в оригинале: «радостно сказал». И даже если бы почтенный Ли Эр действительно написал одним махом свою книгу, при тогдашней постановке книжного дела и неупорядоченности письма у него не было никаких шансов передать свой труд потомкам в неискаженном виде.

Еще одна версия биографии Лао-цзы отождествляет последнего с неким мудрецом по имени Лао Лай-цзы, тоже уроженцем царства Чу и даже земляком таинственного Ли Эра. Этот Лао Лай-цзы якобы жил «в одно время с Конфуцием» и написал какую-то «книгу из 15 глав, в которой поведал, как применять учение о Дао». Но об этом лице больше нет никаких сведений.

Наконец, третья версия изображает Лао-цзы дворцовым архивистом по имени Дань (записывается другим иероглифом), который жил спустя более века после смерти Конфуция, разуверился в возрождении Чжоуской династии, после чего ушел на Запад и имел аудиенцию у правителя царства Цинь Сянь-гуна, которому предрек возвышение Цинь по прошествии 70 лет.

Недавно появился новый, и самый интригующий, взгляд на Лао-цзы, согласно которому имя Ли Эр является неправильной записью прозвища Лао-цзы, которое означало на южном диалекте «тигренок», поскольку Лао-цзы родился в год тигра (572 г. до н.э.) и жил в царстве Сун, где действительно существовала фамилия Лао. Как раз в год рождения Лао-цзы царство Сун подвер-

глось нашествию войска царства Чу, и многие его мужчины были убиты в сражении, что, возможно, дало повод для появления легенд о том, что Лао-цзы родился без отца.

Попытки определить время и место создания «Дао-Дэ цзина» исходя из содержания и лингвистических особенностей самого памятника до сих пор не дали конкретных результатов. В книге ни разу не упоминаются чьи-то имена или названия местностей, нет ни одной отсылки к историческим событиям, отсутствуют и сколько-нибудь надежные внутренние критерии ее датировки. Конечно, в ее тексте есть образы и лексические обороты сравнительно позднего происхождения, но это не означает, что в своей основе «Дао-Дэ цзин» не мог появиться сравнительно рано. Едва ли не единственным более или менее объективным, хотя и расплывчатым, лингво-хронологическим признаком является принятая в тексте система рифм. Исследования этого аспекта даосского канона, а также его лексических особенностей говорят в пользу его раннего происхождения или, точнее, о его близости рифмам, принятым в древнейшем китайском каноне «Книга Песен», сложившемся при дворе Чжоу. В то же время исследования лексики даосского канона позволили обнаружить в его тексте около трех десятков случаев употребления диалектизмов, относящихся к южнокитайскому царству Чу. Итак, автор «Дао-Дэ цзина» был хорошо знаком с южнокитайским диалектом той эпохи, как, впрочем, и с традициями чжоуской словесности.

Как бы там ни было, в лице Лао Даня — Ли Эра мы имеем дело с основоположником великой

религиозной традиции, и вокруг этой личности сложилась обширная житийная литература. Еще в доимперский период имя Лао-цзы оказалось тесно связанным с именем легендарного Желтого Императора, знатока секретов бессмертия, и Лао-цзы стал одним из покровителей древних магов, гадателей и искателей вечной жизни. Эти качества Лао-цзы привлекали к нему интерес многих императоров Древнего Китая, мечтавших о физическом бессмертии. Позднейшие предания наделяют Лао-цзы как космической, так и человеческой ипостасями. Он предстает олицетворением предвечного Пути и чистейшей энергии мироздания. С помощью волшебного зеркала он отделяется от себя и входит в чрево некой Сокровенной Яшмовой Девы, тем самым «превратив свое тело чистой пустоты в тело своей земной матери по фамилии Ли». А вошел он в свою мать в виде звездочки или «разноцветной жемчужины», упавшей с неба. В материнской утробе Лао-цзы провел 81 год, безостановочно читая свою книгу из 81 главы. Он вышел из левой подмышки матери и при рождении имел седые волосы. Появившись на свет, Лао-цзы сделал девять шагов, преображаясь с каждым шагом. Он отличался необыкновенно высоким ростом, имел «квадратный рот», 48 зубов и три отверстия в ухе. В земной жизни он развивался наперекор естественной эволюции и год от года молодел.

Многими красочными деталями обросла и легенда об отъезде Лао-цзы на Запад. Инь Си превращается в мудреца, который, увидев мчавшееся на запад фиолетовое облако, понимает, что

нужно ждать появления великого мудреца на западной заставе. Он добивается у чжоуского правителя назначения на должность ее начальника, а накануне приезда даосского патриарха приказывает подмести дорогу перед заставой и зажечь вдоль нее благовония, после чего, облачившись в парадные одежды, со всем почтением встречает дорогого гостя. У самого Лао-цзы появляется слуга по имени Сюй Цзя, который, как и подобает в такого рода сюжетах, не отличается ни умом, ни добродетелью. Этот Сюй Цзя подпал под чары некой красавицы и стал требовать от хозяина расчета. Лао-цзы наказывает своего глупого помощника весьма неординарным способом: заставляет его открыть рот, изо рта вываливается подаренный ему хозяином эликсир бессмертия, отчего Сюй Цзя тотчас превращается в груду костей. Совместно с начальником заставы Лао-цзы возвращает слуге жизнь в качестве платы за его службу, а сам уходит на Запад, где, как позднее стали утверждать даосы, принял облик Будды.

Для исследователя философского содержания «Дао-Дэ цзина» гораздо больший интерес представляет тот факт, что Лао-цзы и другие древние даосы предстают мыслителями без собственной школы, личностями одинокими и таинственными, несмотря на широкую известность их писаний. Позднейшие даосы объясняли отсутствие отдельной школы Лао-цзы очень просто и по-своему убедительно. Они утверждали, что ученики Лао-цзы стали бессмертными небожителями и скрытно пребывают среди людей, подбирая себе учеников. Однако посвященные в таинства

Дао «не должны открывать наставления учителя даже за тысячу серебряных слитков». Но взглянем на вопрос по существу: какую школу и тем более идеологическую «партию» может создать мыслитель, который призывает подняться над условностями культуры и всякой аргументации, прославляет «жизнь как она есть», в ее неисчерпаемом разнообразии и спонтанности, а себя уподобляет младенцу, восхищенно и бесстрастно взирающему на мир? В тексте даосского канона мы находим прямые указания на то, что мудрый смотрит глубже всякой точки зрения и всегда поступает «наоборот». Лао-цзы призывает вернуться к тому, что «таково само по себе», некой спонтанности жизни, которая, очевидно, не может быть выражена в понятиях. Совершенно закономерно Лао-цзы соединяет эту интуицию чистой актуальности существования с народным бытом, даже поэтизирует эту анонимную стихию. Его премудрый человек «в своем постоянном отсутствии помыслов принимает в себя помыслы народа». Это не значит, конечно, что он эти помыслы разделяет. Людям вообще-то свойственно куда больше интересоваться «хитростью разума», чем наслаждаться безыскусностью жизни. Вот здесь мы наталкиваемся на фундаментальную проблему понимания Лао-цзы. Не имея своей особой «точки зрения», даже не имея «предмета» сообщения, даосский патриарх, по его собственным словам, только «нехотя», «вынужденно», «предположительно» пользуется естественным языком, и притом пользуется им как нельзя более естественно, говорит, по собственному признанию, просто и общедо-

ступно. Но он говорит о неназываемом и поэтому... ничего не говорит. Это значит: говорит немногословно и загадочно. Речь Лао-цзы есть как бы одно большое сказание «ни о чем» или, если угодно, о том, что дается, задано нам прежде всех понятий и останется с нами после того, как все понятия пройдут. О чем бы ни говорил этот «темный» мудрец, он говорит о «другом» и все же говорит именно то, что говорит.

Как словесная фигура речь Лао-цзы есть анафора, некий параязык, сам себя упраздняющий, но и вечно возобновляющийся в своем самоупразднении: несотворенное не может быть и уничтожено. Такая мыслительная посылка требует говорить, по слову самого Лао-цзы, «как бы наоборот», не ища опоры в знании и опыте, не держась за собственные постулаты. Истина Лао-цзы настолько безыскусна и безусловна, что ею не может владеть ни одна школа, ни даже он сам! Она принадлежит всем и никому, не противоречит ни одной доктрине и не совпадает ни с одним мнением. Согласимся: не так-то просто спорить с тем, кто говорит только для того, чтобы упразднить собственное суждение! Да и не будет такой мыслитель ни с кем спорить. Его интересуют лишь глубины его собственного опыта.

Теперь мы можем по-новому взглянуть и на уход Лао-цзы на Запад. Перед нами на самом деле аллегория претворения себя в полноту родовой жизни. Лао-цзы ушел, чтобы вернуться; он исчез только затем, чтобы стало возможным явление истины, присутствующей здесь и сейчас, и настоящим памятником Лао-цзы — един-

ственному из древних мудрецов Китая, имеющему только символическую могилу, — стал сам уклад китайской цивилизации, безмерная мощь его многотысячелетней традиции. Охотно верится в то, что Лао-цзы, согласно преданию, был знатоком именно поминальных обрядов: его мудрость и есть не что иное, как памятование незапамятно-непреходящего.

Вот где таится главный секрет Лао-цзы: чтобы стать собой, нужно устранить себя; чтобы получить власть, нужно не желать (именно: не желать) власти. Здесь обнаруживается неформулируемая связь между нравственным совершенством и царским могуществом. А секрет чтения Лао-цзы заключен в постижении той внутренней глубины смысла, которая внушает мудрость, ни с кем не вступая в спор, все понимая наоборот. Лао-цзы, напомню еще раз, сам утверждает, что он «не такой, как другие». Он живет с миром вне мира; мир не властен над ним.

Композиционно «Дао-Дэ цзин» состоит из 81 афоризма, или «главы». Число явно символическое, соответствующее вершине творческого начала мироздания (9х9). Считалось также, что изначально даосский канон включал в себя ровно пять тысяч знаков. Книга разделяется на две части: «Канон Пути (Дао)» и «Канон Совершенства (Дэ)». Внутри отдельных глав легко различить разные стилистические и смысловые слои. Нередко в них имеются вступительные афоризмы, определяющие тему главы, и афоризм завершающий, формулирующий вывод из предшествующего рассуждения. Ядро главы составляют иллю-